

МГИМО МИД РОССИИ

Постоянное Представительство Республики Крым при
Президенте Российской Федерации

ФАКТОР КРЫМА В ПОЛИТИКЕ РОССИИ И ТУРЦИИ

Сборник материалов по итогам научно-практической
конференции 15 ноября 2023 года (Москва, МГИМО)

Ответственный редактор – аналитик Научно-
образовательного центра исследований проблем российской
цивилизации в современном мире, Председатель
Ближневосточного клуба МГИМО А.Г.Нарышкин

Издательство «Перо»
Москва, 2024

УДК 327
ББК 66.4
Ф18

Ответственный редактор —
аналитик Научно-образовательного центра исследований
проблем российской цивилизации в современном мире,
Председатель Ближневосточного клуба МГИМО
А. Г. Нарышкин

Ф18 Фактор Крыма в политике России и Турции. Сборник
материалов по итогам научно-практической конфе-
ренции 15 ноября 2023 года (Москва, МГИМО). – М.:
Издательство «Перо», 2024. – 56 с.

КРЫМ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ АМБИЦИИ Турции

Громыко А. А.

Директор Института Европы
РАН, член-корреспондент РАН,
д.полит.н.

Фактор Крыма в политике России и Турции играет огромную роль уже несколько веков. Для России он находится в ряду тех, которые принято называть экзистенциальными, жизненно важными. Для Турции же он давно превратился в составляющую внешней политики, соподчинённую набору других первостепенных приоритетов. По многим причинам роль Турции в Черноморско-Средиземноморском бассейне значительно возросла в последние десятилетия. В этом отразились её собственные амбиции, в целом глубокие изменения в системе международных отношений, резкое обострение конфронтации между коллективным Западом и Россией.

Безусловно, в данных процессах сказалось и масштабное влияние субъективного фактора – личности турецкого президента Р. Т. Эрдогана. Поддерживающая его часть общества и политического класса с размахом подходит к вопросу о месте Турции в мировой политике. По сути речь идёт о категории *Rax Ottomana* как наследницы целой череды трансрегиональных проектов: *Rax Romana*, *Rax Mongolica*, *Rax Britanica* и *Rax Americana*. Конечно, на лицо гипертрофированность таких претензий, но вряд ли подлежит сомнению, что после завершения эпохи Османской империи именно за последнюю четверть века действия Турции на международной арене приковывают к себе столь большое внимание, в том числе России.

При этом модели поведения Турции, в зависимости от ситуации, могут быть самыми разными и порой восприниматься внешними игроками прямо противоположным образом. В одних случаях она действует как государство-стабилизатор,

в других как государство-спойлер. Внешняя политика Турции очень подвижна и вполне подходит под характеристику «одновременной игры на нескольких шахматных досках». Причём происходит это с опорой на достаточно ограниченную ресурсную базу (природную, экономическую, технологическую) с учётом масштаба амбиций. Однако в действиях турецкого руководства эти ограничители в значительной степени компенсируются умелым использованием набора «данностей»: географическим положением страны, статусом исполнителя Конвенции Монтрё, этно-религиозным и языковым факторами, выходящими далеко за пределы страны.

Со времени распада Оттоманской империи, что особенно проявилось в первой четверти XXI века, Турция сумела избежать превращения во второразрядное государство и не поддалась на сомнительные соблазны лимитрофного мышления. В результате сегодня с Турцией принято считаться и на Западе, и на Востоке. В большинстве прогнозов на следующие десятилетия эта страна рассматривается как важная составляющая формирующегося полицентрического мира.

Одновременно следует сказать, что Турция не только создала себе значительное поле для внешнеполитического маневра, но и продолжает последовательно придерживаться ряда «сквозных» геополитических тем. В первую очередь речь идёт о членстве в НАТО и о первостепенности принадлежности к западному миру, пусть и с собственной спецификой. В этом смысле для России – Турция это маневрирующее государство в составе коллективного Запада, но не глобального Юга. Важность такого геополитического якоря не ставится в Турции под сомнение, но в то же время он не воспринимается как смиренная рубашка, лишаящая Анкару внешнеполитической автономии.

В отличие от военно-политической сферы, в социально-экономической, не говоря уже о культурно-ценностной, Турция не стала частью другого стратегического проекта коллективного Запада – Европейского союза. Взаимное неприятие, ко-

нечно, здесь обоюдное, хотя взаимозависимость есть и будет оставаться высокой. Другими словами – Турция встроена в западный мир в качестве автономного национального государства с элементами имперского мышления, которое в обозримом будущем не будет питать большого интереса к членству в таких наднациональных проектах, как ЕС. В этом Анкара, безусловно, лучше уловила веяния современности по сравнению с теми, кто до сих пор стремится попасть в ЕС, – она сделала ставку на институт «государства-нации», а не на вовлечение в проекты, требующие делегирования части государственного суверенитета внешним структурам. Важно и то, что во внешнеполитическом арсенале Анкары активно используется метод «размена», «брака по расчёту» – игры на противоречиях других, более крупных держав с целью максимизации своего собственного интереса. События вокруг Крыма в последнее десятилетие стали тому наглядным свидетельством.

Все существовавшие в истории проект «Рах», включая Рах Ottomana, по своей природе были связаны с претензией на собственное глобальное мировоззрение и на цивилизационное своеобразие. Надо отдать должное тому, что в текущем столетии Турция делала упор на принцип сопряжения, а не конфликта цивилизаций. Именно она вместе с Испанией в 2005 году выдвинула идею Альянса цивилизаций. Исторический амбиции, помноженные на геополитический прагматизм, с тех пор стали присущи и ряду других государств, стремящихся к максимально возможной самостоятельности в рамках полицентричного мира, например Саудовской Аравии или Иран, принадлежащие к глобальному Югу.

Эффективным рычагом реализации целей Турции стала гуманитарная составляющая внешней политики, создание вокруг себя различных международных клубных и сетевых форматов, включая Организацию тюркоязычных государств, в которых она берёт на себя осевую роль. Анкара достаточно умело жонглировала своими собственными «концентрическими кругами» (по аналогии с внешнеполитической концепцией Британии

времен второго премьерства У. Черчилля) – тремя воображаемыми пространствами: османским, исламским и тюркским. Смысл этих подходов заключается не в изменении существующих границ, а в территориальном расширении своего влияния. А такая территория влияния потенциально огромна, ведь к концу XVII века, на своём пике, Османская империя контролировала, если брать северный вектор, вассальные Крымский каганат, правобережную Украину, Молдавию, Трансильванию, Валахию, часть венгерских территорий. В турецких внешнеполитических подходах перемешаны принципы «крови» и «культуры». Так, этническая подноготная тюркского мира во многом напоминает этническую подложку «англосаксонской сферы», как её трактуют в Британии и США до сих пор. В то же время здесь вплетён культурно-языковой фактор, который играет ведущую роль и в концепциях Русского мира или франкофонии.

Обострение противостояния России и коллективного Запада, максимально сконцентрирована вокруг «крымского измерения», было использована Турцией для продвижения своих интересов. Важно отметить, что эти и другие составляющие международной политики Анкары при всей их амбициозности и наступательной стилистике ненаправлены на какие-либо перевороты или революции в международных делах. Так, изблюбленный Эрдоганом лозунг «мир больше пяти» – призыв не столько к демонтажу ООН, сколько к увеличению роли Турции в этой всемирной организации. Анкара, судя по всему, стремится не к ревизионизму в международных отношениях в полном смысле этого слова (стратегическое примыкание к коллективному Западу её вполне устраивает), а к их корректировке с целью усиления статуса самой Турции.

Вместе с тем, в долгосрочном плане вмонтированность страны в коллективный Запад не гарантирована, как оказалась не гарантирована неизменность желания Британии находиться в составе ЕС. Брекзит случился. Долгосрочное будущее Турции в плане её геополитического позиционирования также не предопределено. Многое зависит от способности западных

стран, в первую очередь США, контролировать центробежные тенденции внутри Запада и по каким-либо псевдоценностным и ситуационным идеологическим причинам не заниматься саморазрушением и нанесением вреда собственным союзникам. В связи с этим вспоминается неблагоприятная роль США и ряда других западных стран в попытке государственного переворота в Турции летом 2016 года. Многие события, случившиеся с тех пор, указывают, скорее, на отсутствие такой способности.

В отношениях Москвы и Анкары фактор Крыма, как теперь и фактор всех «новых территорий» наше страны, останется центральным на всё обозримое будущее. Для Турции это вопрос лавирования между интересами наиболее антироссийски настроенной части Запада и Россией – одной из крупнейших держав не-Запада, вопрос максимизации своих геополитических и экономических выгод. Для Москвы такой «брак по расчёту» приемлем ровно настолько, насколько проистекающие из него преимущества значительно перевешивают неприемлемую для России часть внешней политики Турции с учётом текущих условий ожесточённой гибридной войны Запада против нашей страны. Очевидна хрупкость такого баланса. Его устойчивость будет зависеть от путей урегулирования украинского кризиса, от терпимости России к поведению ситуационных (транзакционных) партнёров, от внутривосточного положения в самой Турции, где рано или поздно «эпоха Эрдогана» подойдёт к концу.

ФАКТОР КРЫМА В ПОЛИТИКЕ РОССИИ И ТУРЦИИ

Сборник материалов по итогам научно-практической
конференции 15 ноября 2023 года (Москва, МГИМО)

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 27, ком. 105

Тел.: (495) 973–72–28, 665–34–36

www.pero-print.ru e-mail: info@pero-print.ru

Подписано в печать 05.12.2024. Формат 60x90/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 3,5. Тираж 50 экз. Заказ 1305.

Отпечатано в ООО «Издательство «Перо»